

Александр Восьмой

Коса 5. «Серебряные
зубы Яги»

18+

Александр Восьмой

Коса 5. «Серебряные зубы Яги»

«Автор»

2026

Восьмой А.

Коса 5. «Серебряные зубы Яги» / А. Восьмой — «Автор», 2026

Баба-Яга — не сказка. Она живёт в избушке, что прячется между миром живых и миром мёртвых, и её зубы — серебряные, потому что обычные она выплюнула три века назад. Она не ест детей. Она выменивает их — на здоровье, на удачу, на жизнь близких. И сделка всегда честная. Проблема в том, что Яга понимает слово «честность» иначе, чем люди.

Александр Восьмой

Коса 5. «Серебряные зубы Яги»

Глава 1. Серебряные зубы

Октябрь сдирал листья с берёз, будто пытался обнажить саму суть деревни. Ветер гулял по пустым улицам, стучал в ставни, шептал забытые имена. В доме на краю села, где ещё недавно пахло тёплым хлебом и детским смехом, теперь стояла тишина — такая густая, что её можно было резать ножом. Марина ходила из угла в угол, сжимала кулаки до побеления костяшек и повторяла, как заклинание: «Она просто заигралась. Она сейчас вернётся».

Но вечер опускался на село тяжёлым свинцовым покрывалом, и с каждой минутой надежда становилась всё тоньше, пока не превратилась в едва заметную нить, готовую порваться от любого вздоха.

Марина выбежала в лес, не накинув даже шаль. Деревья тянули к ней чёрные ветви, словно хотели удержать, предупредить, но она не слушала. Ноги сами несли её туда, куда в детстве бегали только самые отчаянные мальчишки — к самой границе, где лес переставал быть просто лесом и становился чем-то иным.

И вот она увидела её — избушку на курьих лапах. Та стояла, слегка наклонившись, будто прислушиваясь к земле. Курьи ноги вросли в мох, когти впились в корни, а окна светились тусклым, неестественным светом — не от лампы, не от свечи, а от чего-то, что жило внутри.

У порога, прямо на сырой земле, сидела Аня. Живая. Невредимая. В её сжатом кулачке поблескивала серебряная монетка, тонкая, словно вырезанная из лунного света. На лице девочки застыло выражение, которого Марина никогда раньше не видела — не испуг, не радость, а какая-то странная, взрослая уверенность.

— Мама, — тихо сказала Аня, не поднимая глаз, — она сказала, что ты придёшь сама. Когда захочешь поговорить по-честному.

Слова ударили в грудь, как ледяной ветер. Марина опустилась на колени рядом с дочерью, провела дрожащими пальцами по её волосам, по щекам, проверяя, настоящая ли она.

— Кто сказал? — прошептала Марина, и собственный голос показался ей чужим, ломким.

Аня наконец подняла глаза — и в них мелькнуло что-то древнее, не детское.

— Та, у кого зубы из серебра. Она сказала, что сделки всегда честные. Просто честность у неё другая.

Избушка скрипнула, будто усмехнулась. Дверь приоткрылась, и из темноты на пороге возникла фигура — высокая, сгорбленная, в лохмотьях, которые когда-то были роскошным платьем. Лицо старухи было испещрено морщинами, словно на нём записали все истории мира, а когда она улыбнулась, блеснули зубы — не жёлтые, не гнилые, а холодные, серебристые, будто отлитые из застывшего месяца.

— А вот и ты, — голос Яги звучал не из горла, а будто из самой земли, из корней, из ветра. — Я знала, что придёшь. У матерей всегда кончается терпение раньше, чем надежда.

Марина хотела закричать, броситься к дочери, схватить её и убежать, но ноги будто приросли к земле.

— Что ты сделала с моей девочкой? — голос Марины дрожал, но в нём уже звенела сталь. Яга медленно наклонила голову, и её серебряные зубы снова блеснули.

— Ничего, чего она сама не захотела. Дети чувствуют правду лучше взрослых. Она принесла мне обещание. А я дала ей монетку — как залог. Теперь очередь за тобой. Хочешь забрать её обратно? Тогда придётся заплатить. И помни: я не обманываю. Просто моя честность режет глубже ножа.

Тишина повисла между ними, тяжёлая, как мокрый снег. Где-то в лесу ухнула сова — и этот звук прозвучал как приговор. Марина посмотрела на дочь, на старуху, на избушку, которая будто дышала, и поняла: назад дороги нет. Есть только шаг вперёд — в темноту, где цена каждого слова измеряется не золотом, а судьбой.

— Говори, — выдохнула Марина, выпрямляясь. — Что ты хочешь?

Яга улыбнулась — и в этой улыбке не было ни доброты, ни злобы, только холодная, древняя сила.

— То, без чего ты всё равно не сможешь жить спокойно. То, что ты сама отдашь, чтобы спасти её. А потом... потом мы посмотрим, хватит ли у тебя сил жить с тем, что останется.

Глава 2. Цена за чужую жизнь

Избушка на курьих лапах стояла неподвижно, будто затаила дыхание. Воздух вокруг неё был густым, словно смола, и каждый вдох отдавался в груди тяжестью, будто Марина втягивала в себя не воздух, а само время — вязкое, старое, пропитанное чужими клятвами и следами. Марина шагнула через порог, и дверь за её спиной закрылась с тихим, но окончательным щелчком — так щёлкает замок на гробе.

Внутри пахло дымом, травами и чем-то ещё — холодным, металлическим, как запах крови на морозе. В центре комнаты, на грубом деревянном столе, лежала толстая книга с обложкой из тёмной кожи, прошитой серебряной нитью. Рядом мерцала чаша, в которой клубился туман, похожий на дыхание спящего зверя.

А в углу, на низком резном стуле, сидела Яга. Её серебряные зубы поблёскивали даже в полумраке, словно отражая свет из какого-то другого мира. На коленях у старухи сидела Аня — тихая, слишком спокойная, будто её голос кто-то убавил до шёпота. На её маленькой ладони темнел знак: три круга, вложенные друг в друга, словно следы от капающей воды, застывшие в камне.

— Не трогай, — хрипло бросила Марина, едва переступив порог. — Не смей её трогать.

Яга медленно подняла глаза — в них не было ни злости, ни торжества, только древняя усталость, какая бывает у тех, кто видел слишком много рассветов и закатов.

— Я и не трогаю, — голос старухи звучал ровно, почти буднично. — Она сама пришла ко мне. Дети чувствуют границу лучше взрослых. Они знают, где можно шепнуть желание, чтобы его услышали.

Марина сжала кулаки так, что ногти впились в ладони.

— Что ты сделала с её рукой?

— Ничего, чего бы она сама не приняла, — спокойно ответила Яга, кивнув на знак. — Это не проклятие. Это расписка. Печать сделки. Каждый обмен — добровольный. Каждый — честный.

— Честный?! — голос Марины сорвался на крик, но даже он здесь звучал приглушённо, будто стены избушки глотали слова. — Ты забрала мою дочь!

— Нет, — Яга покачала головой, и в её глазах мелькнуло что-то, похожее на жалость — но не к Марине, а к самой сути человеческого непонимания. — Я ничего не забираю. Я меняю. Душа за душу. Жизнь за жизнь. Равновесие должно сохраняться. Иначе мир треснет по швам, и тогда уже никто не спасёт ни детей, ни матерей.

Аня подняла голову. Её взгляд был странно взрослым, будто за эти несколько часов она прожила целую жизнь.

— Мама, — тихо сказала девочка, — я хотела, чтобы мы все были вместе. Я пообещала... что-то взамен. Но я не помню, что именно.

Сердце Марины сжалось так сильно, что на мгновение она перестала дышать.

— Что значит «взамен»? — прошептала она, глядя на Ягу. — Что ты взяла?

Старуха медленно встала, подошла к полке и сняла с неё маленький стеклянный сосуд, внутри которого мерцал тусклый огонёк — не пламя, не искра, а что-то живое, дрожащее, как биение сердца.

— То, без чего сделка не имеет веса, — произнесла Яга. — Равный обмен. Аня жива, потому что плата уже внесена.

— Кто заплатил? — выдохнула Марина, чувствуя, как холод ползёт по спине, цепляясь за рёбра, сдавливая грудь.

— Тот, кто любил её больше жизни, — просто ответила Яга. — Иди домой, Марина. Там ты найдёшь ответ. И помни: я не обманываю. Просто моя честность — как острый камень: если держаться крепко, он режет пальцы.

Марина рванулась к дочери, схватила её за руку — и в тот же миг знак на ладони Ани вспыхнул тусклым серебристым светом, будто отозвался на прикосновение. Девочка вздрогнула, но не заплакала. Только посмотрела на мать так, будто хотела сказать: «Прости, я не знала, что это значит».

Они вышли из избышки под тяжёлый, низкий небосвод, где звёзды казались осколками разбитого зеркала. Лес провожал их тишиной — не доброй, не злой, а равнодушной, как тишина после грозы.

Дорога домой казалась длиннее, чем путь сюда. Каждый шаг отдавался в висках глухим эхом, а воздух становился всё тяжелее, будто земля сама пыталась задержать Марину, не пустить её туда, где ждало откровение.

Когда впереди показался их дом — тихий, тёмный, с покосившейся крышей и скрипучей калиткой, — Марина почувствовала, как внутри всё оборвалось. Дверь была приоткрыта, словно кто-то спешно выходил или так же спешно вбегал.

Она толкнула дверь. Внутри было темно, только лунный свет ложился на пол бледными полосами. И в одной из этих полос, на полу, лежал её муж. Его лицо было спокойным, будто он просто уснул, но в этой неподвижности было что-то окончательное, необратимое.

Марина опустилась на колени рядом с ним, прижала пальцы к его шее, ища пульс, который уже не бился. Слезы обожгли глаза, но она не могла плакать — только шептать, как молитву:

— Нет... нет... только не ты...

Аня тихо подошла и встала рядом, её маленькая рука легла на плечо матери.

— Он хотел, чтобы я была жива, — прошептала девочка. — Я чувствовала. Он отдал это... ради меня.

Марина подняла глаза на дочь, на этот странный знак на её ладони, и вдруг поняла всю чудовищную простоту сделки. Равный обмен. Жизнь за жизнь. Душа за душу.

И в этот момент тишина в доме стала громче любого крика. Она звенела, как натянутая струна, готовая лопнуть. Марина сжала кулаки, и в груди разгоралось не горе — а ярость, холодная и острая, как лезвие.

— Она сказала, что сделка честная, — тихо произнесла Аня, будто оправдываясь.

— Да, — глухо ответила Марина, поднимаясь. — Честная. Но теперь я знаю, с кем имею дело. И я найду способ вернуть всё назад. Даже если придётся пойти туда, куда не ступает нога живого человека.

Ветер за окном вздохнул, словно услышал её слова. И где-то далеко, в глубине леса, избышка на курьих лапах слегка повернулась, будто прислушиваясь к новой клятве.

Глава 3. Третий гость за столетие

Избушка дышала. Не паром, не ветром — чем-то глубже, будто внутри неё жил сам порог между мирами, и каждый вдох этого порога отдавался в груди тяжёлым эхом. Марина стояла

на пороге, чувствуя, как пол под ногами едва заметно вибрирует, словно отзываясь на чужое горе, накопленное здесь за века.

В комнате было тесно не от вещей, а от чужих историй. На стенах висели лоскуты времени — выцветшие фотографии, пожелтевшие газетные вырезки, обрывки писем, приколотые ржавыми булавками. В углу, у печи, сидел мужчина в старом, выгоревшем пальто — Николай. Его взгляд был пустым, как окно в заброшенном доме. Рядом, на низкой лавке, ссутулился дед Антип — в его бороде запутались сухие травинки, а глаза были мутными, будто он смотрел не на Марину, а сквозь неё, в какую-то давнюю, забытую зиму. А у окна, почти сливаясь с тенью, стояла девочка Лиза — маленькая, но с лицом, в котором не было детской наивности. Только холодная, отточенная ясность.

— Третий гость за столетие, — тихо произнесла Лиза, не глядя на Марину. — Раньше сюда приходили чаще. Теперь люди боятся верить в то, что можно заплатить. А зря. Платить всё равно приходится. Просто не все видят счёт.

Марина сжала кулаки, пытаясь унять дрожь, которая поднималась откуда-то из живота и рвалась наружу криком. Но крик застревал в гортани, царапая его изнутри.

— Кто вы такие? — голос прозвучал хрипло, будто она долго кричала в пустоту и только теперь вспомнила, как говорить.

Николай медленно повернул голову. Его глаза были полны такой усталости, что казалось, будто в них утонули целые города.

— Я тот, кто думал, что знает цену, — произнёс он глухо. — В пятьдесят третьем году я выменял жену на сына. Думал, так будет правильно. Сын был маленьким, ему нужна была мать. А жена... она была сильной, она бы справилась. Но Яга не спрашивает, кто сильнее. Она спрашивает, кто дороже. И взяла обоих. Жена умерла через месяц — простуда, нелепая случайность. А сын... он вырос и уехал. И однажды я понял: я не спас его. Я просто отсрочил пустоту.

Дед Антип глухо кашлянул, и этот звук прозвучал как скрип старой двери в заброшенном доме.

— Моя сделка ещё не закрыта, — пробормотал он, глядя в угол, где шевелилась тень. — Я отдал то, что считал мелочью. А оказалось — самое главное. И теперь жду. Жду, когда она скажет: «Хватит». Но она не скажет. У неё своё время. Оно течёт иначе.

Лиза наконец посмотрела на Марину — прямо, без жалости, без осуждения. В её взгляде не было ни злобы, ни торжества — только знание, тяжёлое и неудобное, как острый камень в кармане.

— Ты думаешь, что пришла сюда, чтобы забрать свою девочку, — сказала Лиза. — Но ты уже часть сделки. Просто ещё не видишь, как она устроена. Яга не выменяла меня. Она меня вырастила. Потому что я видела границу раньше, чем научилась ходить. И я знаю правила. Знаю, где они не совпадают с человеческими.

— Какие правила? — выдохнула Марина, чувствуя, как холод ползёт по спине, цепляясь за рёбра, сдавливая грудь.

Лиза подошла ближе, и в её голосе зазвучала странная, почти механическая чёткость, будто она повторяла то, что слышала тысячу раз:

— Правило первое: обмен должен быть равным. Не по твоей мерке — по её. Правило второе: сделка всегда добровольна. Даже если ты не понимаешь, что подписываешь. Правило третье: плата принимается сразу, но ощущается позже. И самое главное — четвёртое: нельзя отменить сделку, можно только предложить новую. Но новая сделка всегда дороже предыдущей.

— Значит, есть шанс, — прошептала Марина, и в груди вспыхнул слабый, но упрямый огонёк надежды. — Значит, я могу всё исправить.

Лиза покачала головой, и в этом жесте не было ни отказа, ни утешения — только горькая правда.

— Исправить — нет. Переиграть — да. Но цена будет другой. И ты не сможешь выбрать, что отдать. Это решит она.

В этот момент дверь избушки скрипнула, и на пороге возникла Яга. Её серебряные зубы блеснули в полумраке, как осколки луны. Она не спешила, не торопилась — она шла так, будто время принадлежало ей, и она могла растягивать его, как резину, или сжимать в тугий узел.

— Смотрю, ты нашла себе советчиков, — произнесла Яга, и её голос звучал не как слова, а как шелест сухих листьев под ногами мертвеца. — Это хорошо. Пусть они расскажут тебе, как сладко пахнет отчаяние, когда оно становится привычкой.

Николай опустил голову, будто стыдясь того, что заговорил. Дед Антип вжался в лавку, словно хотел стать невидимкой. А Лиза осталась стоять прямо, не отводя взгляда.

— Они знают, что ты не даёшь шансов, — тихо, но твёрдо сказала Марина, поднимая голову. — Но я всё равно спрошу. Как мне вернуть мою дочь? Без новой сделки. Без новой платы.

Яга остановилась в центре комнаты, и воздух вокруг неё стал гуще, словно пространство сжималось, прислушиваясь к её ответу.

— Без платы нельзя, — спокойно произнесла она. — Мир держится на равновесии. Ты хочешь нарушить его ради одного человека. Это понятно. Это по-человечески. Но здесь, на границе, человеческие законы не работают. Здесь работает мой закон. И он прост: за каждое «да» кто-то должен сказать «нет». За каждую жизнь — другая жизнь. За каждую надежду — крупница отчаяния.

— Тогда я предложу новую сделку, — голос Марины дрожал, но в нём уже звенела сталь. — Пусть плата будет моей. Пусть это буду я.

Яга медленно наклонила голову, и в её глазах мелькнуло что-то, похожее на уважение — но не к Марине, а к самой силе материнской любви, которая готова броситься в пасть к волку, лишь бы спасти своего детёныша.

— Хорошо, — сказала она. — Ты предлагаешь себя. Это честно. Но помни: я принимаю только то, что имеет вес. А вес — это не просто жизнь. Это то, без чего мир станет чуть менее правильным. Подумай, что ты можешь дать такого, что будет равно жизни твоей дочери. И вернись, когда найдёшь ответ.

Она повернулась и вышла, оставив после себя тишину, которая была тяжелее любого крика. Дверь за ней закрылась, и в комнате стало темнее, будто Яга унесла с собой часть света.

Лиза подошла к Марине и тихо, почти шёпотом, сказала:

— Она не шутит. И не лжёт. Она просто видит мир иначе. Если хочешь спасти дочь — найди то, что для тебя важнее собственной жизни. Но не то, что ты готова отдать. То, что ты не можешь отдать. Именно это и будет иметь вес.

Марина посмотрела на Николая, на деда Антипа, на Лизу — на всех, кто когда-то пришёл сюда с надеждой и остался с пустотой. И поняла: она не может позволить себе стать одной из них. Не может позволить, чтобы её история закончилась здесь, в этой избушке, среди чужих слёз и сломанных судеб.

Она выпрямилась, сжала кулаки и тихо, но твёрдо произнесла:

— Я найду эту цену. Даже если придётся перевернуть мир.

И в этот момент избушка едва заметно вздрогнула — будто сама граница между мирами услышала её слова и приняла вызов.

Глава 4. Словарь мёртвого языка

В избушке пахло не дымом и травами, как раньше, а чем-то древним — пылью веков, застывшим эхом чужих клятв и пролитых слёз. В центре комнаты на грубо сколоченном столе

лежала Книга. Не просто книга — реестр сделок, толстая, в тёмной коже, прошитая серебряной нитью, будто её пытались удержать от того, чтобы она сама собой не раскрылась и не прошептала все тайны сразу.

Яга стояла рядом, прямая, словно из её спины вынули все человеческие слабости. Её серебряные зубы поблёскивали, но сейчас в этом блеске не было угрозы — только холодная точность.

— Ты хочешь понять, — произнесла старуха, не спрашивая, а констатируя. — Это хорошо. Многие приходят сюда, не зная, что подписывают. А ты хочешь прочесть слова. Но помни: слова в этой книге не для красоты. Они — как камни. Тяжёлые. Острые.

Марина подошла к столу, чувствуя, как пол под ногами едва заметно вибрирует, будто отзываясь на каждое движение. Её пальцы дрожали, но она не отводила взгляда от страниц, покрытых витиеватым почерком, где чернила казались не чёрными, а тёмно-синими, словно впитали в себя цвет ночной воды.

— Здесь записана каждая сделка, — продолжала Яга. — От руки. Чтобы нельзя было стереть. Чтобы нельзя было сказать: «Это не я».

Она провела пальцем по одной из строк, и чернила на мгновение вспыхнули тусклым серебристым светом, будто откликнулись на прикосновение.

— Смотри, — сказала Яга, и в её голосе прозвучала странная, почти учительская интонация. — Вот слово «здоровье». Ты думаешь, это про отсутствие болезней. Про то, чтобы не кашлять, не мерзнуть, не падать от усталости. Но у меня «здоровье» — это целость. Целость тела, памяти и воли. Если ты просишь здоровье для близкого, ты ставишь на кон всё это целиком. И если я забираю, я забираю не только тело. Я забираю и память — чтобы он забыл, кто он. И волю — чтобы он не мог сопротивляться тому, что с ним случится.

Марина сжала кулаки, чувствуя, как холод ползёт по спине, цепляясь за рёбра.

— А «удача»? — прошептала она, будто боялась спугнуть тишину, которая теперь казалась живым существом, прислушивающимся к каждому слову.

— «Удача» — это движение в одну сторону, — спокойно ответила Яга. — Без возврата. Это значит, что человек будет идти вперёд, и всё будет складываться так, чтобы он шёл именно туда. Но он никогда не сможет повернуть назад. Никогда не сможет сказать: «Я ошибся». Удача — это не подарок. Это направление, из которого нет дороги домой.

Марина посмотрела на страницу, где слова сплетались в узоры, похожие на паутину, и вдруг поняла: каждая строчка здесь — ловушка, замаскированная под обещание.

— А «жизнь близких»? — голос Марины дрожал, но в нём уже звенела сталь. — Ты говоришь, что это жизнь одного близкого. Но как ты выбираешь?

Яга медленно наклонила голову, и её глаза на мгновение стали почти человеческими — не добрыми, но понимающими тяжесть того, что она делает.

— Я выбираю того, чья жизнь тяжелее для тебя, — просто сказала она. — Не того, кого ты больше любишь — это слишком просто. А того, без кого твоя собственная жизнь станет невыносимой. Того, чья смерть сломает тебя окончательно. И я всегда выбираю тот вариант, что тяжелее. Потому что равновесие должно быть честным. А честность — это не про мягкость. Честность — это про вес.

Марина смотрела на строки, и они словно оживали перед её глазами, меняя смысл, перестраиваясь, открывая новые, тёмные грани. Она поняла: каждое слово в этой книге можно прочитать двояко. И Яга всегда выбирает тот вариант, что тяжелее.

— Значит, когда Аня дала тебе обещание, — тихо произнесла Марина, — ты уже знала, какую цену возьмёшь.

— Да, — не стала отрицать Яга. — Я знала. И она тоже чувствовала. Дети лучше чувствуют границу. Они знают, где можно шепнуть желание, чтобы его услышали. Но они не знают, как взвешивают слова по ту сторону.

Марина провела пальцем по странице, и на мгновение ей показалось, что кожа Книги тёплая, будто она дышит.

— Тогда научи меня, — выдохнула она, поднимая глаза на Ягу. — Научи читать эти слова так, чтобы я могла найти лазейку. Чтобы я могла спасти дочь, не сломав ещё кого-то.

Яга долго смотрела на неё, словно взвешивая не слова, а саму Марину — её решимость, её страх, её любовь.

— Лазеек здесь нет, — наконец произнесла она. — Но знание — это тоже сила. Ты можешь научиться видеть, где слово становится камнем. Где обещание превращается в цепь. И тогда ты сможешь предложить такую сделку, которую я не смогу отвергнуть. Но помни: даже если ты найдёшь правильные слова, цена всё равно будет. Всегда будет.

Она открыла Книгу на чистой странице, взяла перо с тонким, острым наконечником и протянула его Марине.

— Пиши, — сказала она. — Напиши, что ты готова отдать. Не общие слова. Не «всё». А конкретное. То, что имеет вес. И постарайся, чтобы в этих словах не было лжи. Здесь ложь становится ядом.

Марина взяла перо, чувствуя, как его холод проникает в пальцы, и посмотрела на пустую страницу. Перед её глазами мелькнули образы: муж, чья жизнь уже была отдана; дочь, чья ладонь носила знак трёх кругов; её собственный дом, который теперь казался чужим.

Она медленно вывела первые слова, и чернила, коснувшись бумаги, вспыхнули тусклым серебристым светом — будто Книга приняла её клятву.

Когда она закончила, Яга наклонилась, прочитала написанное и едва заметно кивнула.

— Это может сработать, — произнесла она, и в её голосе прозвучало что-то похожее на уважение. — Но ты должна понимать: если эта сделка состоится, ты отдашь не просто что-то из своей жизни. Ты отдашь часть себя, без которой ты уже не будешь той, кем была. Ты станешь другой. И возможно, твоя дочь не узнает в тебе прежнюю мать.

Марина подняла голову и посмотрела прямо в глаза Яге.

— Пусть, — твёрдо сказала она. — Пусть я стану другой. Главное, чтобы она осталась живой. Чтобы у неё был шанс прожить свою жизнь — без сделок, без знаков на ладонях, без того, чтобы кто-то взвешивал её судьбу на древних весах.

Яга снова кивнула, и на этот раз в её взгляде мелькнуло что-то, похожее на тень печали — не за Марину, а за сам мир, где матери вынуждены становиться героями, чтобы спасти своих детей.

— Хорошо, — произнесла она. — Мы запишем это. И пусть Книга станет свидетелем. Но помни: с этого момента каждое твоё слово будет иметь вес. Даже то, которое ты скажешь просто так. Даже то, которое ты прошепчешь во сне.

Она закрыла Книгу, и тишина в избушке стала густой, почти осязаемой, словно сама реальность прислушивалась к тому, что только что произошло.

Марина опустила руку, чувствуя, как перо оставляет на пальцах тонкий серебристый налёт — будто сама Книга пометила её как свою.

И в этот момент она поняла: игра началась. И теперь каждое слово, каждый шаг, каждый вздох будут частью сделки, которую она сама предложила. Но она была готова. Ради дочери она была готова на всё.

Глава 5. Кто варит зелье

Первое, что Марина заметила, — запах. Не травы, не дым, не дым, не дым. А что-то hotter, глубже, древнее. Запах, который не встречается в человеческих домах, потому что человеческие дома не дышат. Этот запах шёл отовсюду — от стен, от пола, от потолка, который нависал так низко, что казалось, вот-вот прижмёт к земле. Пахло нагретым камнем. Пахло ржавчиной и мёдом. Пахло чем-то, что горит не огнём, а временем.

— Ты всё ещё думаешь, что это дом, — сказала Яга, и в её голосе не было вопроса. Только констатация. Сухая, как треск поленьев. — Посмотри внимательнее.

Марина посмотрела.

И увидела.

Стены не были стенами. Они были кирпичом — старым, опалённым, кое-где покрытым копотью, которая складывалась в узоры, похожие на лица. Не лица людей — скорее тени лиц, отпечатки того, кто стоял здесь когда-то и смотрел в огонь. Пол был не деревянный, а каменный, тёплый, пульсирующий, словно по нему под кожей текла горячая кровь. А потолок... Потолок был сводом. Кривым, закопчённым, с щелью в центре, через которую поднимался тонкий столб пара — не белого, а серебристого, будто дым от сторевавшей луны.

Избушка на курьих лапах не была домом. Она была печью. Великой, дышащей, живой печью, вмороженной в форму сказки, чтобы те, кто приходил сюда, не теряли рассудок раньше времени.

— Печь, — прошептала Марина, и слово упало в тишину, как камень в колодец.

— Не просто печь, — поправила Яга, подходя к центру комнаты, где в полу был врыт котёл. — Великая печь. Она старше меня. Старше этого леса. Старше слова «сделка». Она была здесь всегда, потому что без неё мир не мог бы меняться. Судьбы не перетекают сами. Их нужно варить.

Котёл был огромным — Марина не сразу поняла, насколько. Его края уходили в пол, будто он не стоял в избе, а был её сердцем. Внутри клубилась густая, тёмная жидкость, не вода и не зелье, а что-то, что двигалось само по себе, медленно, тяжело, как лава. По поверхности бежали серебристые спирали, и каждая вспышка оставляла после себя короткий, но отчётливый образ: чьё-то лицо, чья-то рука, чей-то дом, чья-то улыбка.

— Что это? — Марина наклонилась ближе, и жар от котла ударил ей в лицо, но не обжёг — скорее пригрел, как будто котёл пытался заманить, усыпить.

— Это то, что становится реальностью, — сказала Яга, помешивая жидкость длинной серебряной ложкой, которая была холодной даже в огне. — Я кладу в котёл одно — и из него выходит другое. Болезнь, уходящая из тела. Удача, стекающая в чужие руки. Жизнь, переходящая от одного к другому. Всё, что люди называют чудом или проклятием, — всё варится здесь. Не магия. Алхимия судьбы.

Она зачерпнула немного жидкости и подняла ложку. Капля сорвалась вниз, и там, где она коснулась пола, камень на мгновение стал прозрачным — и Марина увидела под ним корни, землю, воду, кости.

— Но котёл не варит сам, — продолжала Яга, и её голос стал тише, как будто она говорила о том, что не любит обсуждать. — Ему нужно топливо.

— Дрова, — догадалась Марина, и это слово прозвучало так буднично, что от него стало страшнее, чем от любого заклинания.

— Не поленья, — покачала головой Яга. — Дрова — это фрагменты памяти тех, кто заключил сделку. Каждая сделка требует энергии, чтобы стать реальностью. И эта энергия берётся не из воздуха, не из земли, не из звёзд. Она берётся из вас. Из того, что вы помните. Котёл сжигает воспоминания — и на их месте вырастает новая судьба.

Марина почувствовала, как ноги стали ватными. Она схватилась за край стола, но стол был тёплым, живым, и от этого стало ещё хуже.

— Мои воспоминания, — прошептала она. — О ком?

— О том, кого ты потеряла, — просто ответила Яга. — О том, чья жизнь пошла в котёл, чтобы твоя дочь осталась жива. Чем больше времени проходит, тем больше воспоминаний котёл забирает. Сначала — мелочи. Цвет его глаз. Как он спал. Что говорил во сне. Потом — крупнее. Его смех. Его голос. Его лицо. И в конце — его имя. Ты перестанешь помнить, что

он существовал. И именно это забвение и станет платой. Не смерть — а то, что ты забудешь, что он умер.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.